

НЕУТОЛИМАЯ ЖАЖДА ДОРОГИ

«Я ИДУ по земле». Так назвал новую книгу стихов Сергей Островой. Несколько ранее у него вышла тоже итоговая книга «Стихотворения и поэмы. 1935—1970». Обе они наиболее полно и цельно представляют избранное поэта. А всякое избранное предполагает в разговоре о нем не только разбор стихотворений, но и выход к творчеству поэта вообще.

Сергея Острового «неисправимо» зачисляют в разряд поэтов-песенников. И, видимо, в этом есть доля справедливости. Во всяком случае песня — исток его

Сергей Островой. «Стихотворения и поэмы. 1935—1970». Издательство «Художественная литература», 1972.
Сергей Островой. «Я иду по земле». Издательство «Советский писатель», 1973.

творческой биографии. С нею он вошел в поэзию в 1934 году, когда ему и композитору Н. Я. Мясковскому за песню «Наливались тополи» была присуждена премия на конкурсе военно-комсомольской песни. С песней не расстанется С. Островой и сегодня. На его стихи написано много известных, побившихся наизусть песен («Прощальная», «Зима», «Песня остается с человеком», «Избранники» и др.).

И тем не менее в суждение о том, что С. Острового зачисляют в разряд поэтов-песенников, я стремился вложить элемент полемичности. Прежде всего потому, что произошло некое смещение понятий. Один из трудных поэтических жанров — песня —

при широком распространении эстрадно-прикладного виршеписания на заданную музыку превратился в некий эталон второразрядности.

Песня, по словам Н. Г. Чернышевского, «должна прилагаться к чувствам решительно каждого человека; иначе она не нужна целому народу, а годится только для нескольких отдельных лиц...» Справедливость этих слов доказана такими мастерами, как М. Исаковский, А. Фатьянов, творчество которых связано с песней. Многие их стихотворения стали подлинно народными песнями. Такими же стали и некоторые стихи С. Острового, в которых выявляется изначальная связь поэта с фольклором. В чем она видна? В сказочности, в напевности, в разговорной интонации, в складе образного мышления. Может быть, потому и привлекают композиторов стихи поэта, определяя сам лад их будущих песен?

Поэзия С. Острового представляет собой сплав реальности и сказочности, правды жизни и романти-

чески приподнятой мечты. Сплавляют эти диаметрально противоположные понятия воедино неосуществимые в поэте чувства новизны и удивления, жажда поиска, устремленности в будущее.

Завершая стихотворение «Характер», поэт сказал:

И если очень в жизнь
влюбленный —
То в этом суть моя и есты!

Это и самохарактеристика. Влюбленность в жизнь составляет и доминанту характера героя стихов — поэта, человека-гражданина, осознающего свою высокую ответственность за все на родной земле. И не просто осознающего, а доказывающего, что он имеет право на такую ответственность. Это очень важно. Ведь не обеспеченная этим правом, такая ответственность сама по себе никогда не сможет обрести поэтическую убедительность в стихах широкого общественного звучания, — не перешагнуть ей барьера декларационности и лозунговости. В тех случаях, когда Сергей Островой пишет по праву пережитого и завоеванного, он непременно убедителен и значим:

Перед родной землей
благословен,
Всегда достоин
будь ее любви.
Она-то без тебя
прожить сумеет,
Ты без нее попробуй
проживи!

И тогда перед нами предстает человек труда «как хозяин всевластный», который может накинуть на реку «бетонное седло» плотины и построить ГЭС, овладеть самой сложной техникой, вырваться в космос. Предстает лирический герой, повторивший дорогу поэта на фронт, куда, несмотря на освобождение из-за плохого зрения, он ушел добровольно, «всей сутью жизни к подвигу готов». И стихи «Нет, не однажды на полях войны...», «Колокол», «Военное шоссе», «Костыль», «Стихи о жизни и смерти» вырастают в своеобразный нравственный кодекс. Сквозным лучом сердечного опыта пронизывают стихотворение «Слово о равнодушных» строки:

...Когда нам запрещали
доктора —
Мы уходили в роты
добровольно.

Сергей Островой — поэт темпераментный, импульсивный, быстро реагирую-

щий на все, что взволновало, задело, зацепило его. Поэтому излишняя полемика заостренность порой оборачивается неким заклинательством. Так выглядят в общем-то верные публицистические выступления его, такие, как «Критику Эн Эн», «Юнцы», «Клевета», и некоторые другие.

Но стоит только «включиться» в разговор пережитому, вынесенному из жизни, как, казалось бы, незначительный факт вроде «Сейчас все больше пишут о Париже...» вновь предопределяет встречу с человеком, чувствующим и умеющим наполнить этим чувством поэтическое слово:

Судьба ткала мне
пеструю дорогу.
И может, возраст
этого виной —
Все больше тянет
к отчему порогу.
К простому слову.
К истине простой.

Эта влюбленность в жизнь и неутоленная жажда дороги по широким просторам Родины обеспечивают остроту зрения и слуха поэта, позволяют в реальном видеть сказочное, слышать тишину, подмечать в неприметном непо-

вторимое. Неослабевающее умение удивляться и удивлять раскрывается в самой сказочности его мира. В стихах 30-х годов мы встречаем осень всю в золоте тепла, которая «водою озерной шла питься...», и месяц в небе, который «гадал всю ночь по звездам до утра», и высокое облако, летящее «пучком фазаньим...». Эта же жизнерадостная и действенная яркость природы, оживающей под взглядом доброго волшебника поэта, остается и в стихах последних лет.

Как легко заметить, у поэта, не ведавшего «часа праздного», не ведающего и природа. Она — труженица. И потому в его стихах ручейки вяжут рукавицы, зима снежки солит, гроза дерется с горою... И непременно в любых стихах, пусть даже сугубо пейзажных, пусть интимно лирических, всегда проявится характер поэта-жизнелюба. Тем реальнее высота сверхзадачи, которую ставит перед собой Сергей Островой и решает в своей поэзии.

Бор. ЛЕОНОВ